

УДК 811.161.1'373.611:81'27

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ РУССКОГО ДИАЛЕКТНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Попова Т.Н.

Актуальность. Связь языка и культуры народа-носителя бесспорна и не требует доказательств, ибо «язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах народной культуры» [2, с.81]. В связи с этим изучение сугубо лингвистических процессов как в синхронии, так и в диахронии неизбежно упирается в необходимость комментирования внутриязыковых процессов с точки зрения экстралингвистической, позиций философии языка, ментального и культурного развития общества, подтверждая тем самым непреложность постулата о неразрывной связи истории языка с историей народа. «Социолингвистический подход к истории русского литературного языка показывает, что основным содержанием этого процесса является постоянное расширение социальной, материальной и стилистической сфер литературного языка» [2, с.19], вследствие чего нельзя изучать эту историю без учета данных территориальных и социальных вариантов языка в их взаимосвязи и взаимодействии с литературным языком. *Постановка проблемы.* В ряду важных проблем именного исторического словообразования в русле изучения «сознательного отношения» носителей языка к словообразовательным процессам возникает проблема специализации славяно-книжных суффиксальных формантов в диалектном словопроизводстве. Историческое словообразование доказывает, что сформировавшиеся к XI – XII вв. деривационные модели не подвергаются в дальнейшем существенным качественным изменениям, преобразуясь в основном в качественном отношении. С течением времени могут происходить изменения и в семантике производного слова, связанные с изменениями культуры. В частности, «со стремительным развитием капитализма и в результате изменений после Октября 1917 г. в России создались новые условия для эволюции национального языка, и этот историко-культурный процесс поставил говоры в подчиненное, зависимое от литературного языка положение. В современных условиях говоры сохраняются как остаток предшествующего этапа развития языка, языка народности» [1, с.8].

При бесспорном приоритете перераспределения функциональных уровней структуры языка «широкое «развитие» русских диалектов на протяжении XIX века вплоть до 30-х годов XX века и стремительное «исчезновение» их в наше время часто объясняют социальными причинами: культурная революция, развитие массовых средств коммуникации и информации и т.д.» [2, с.39]. Исследование диалектной лексики представляет уникальную возможность обобщения словообразовательных процессов, протекавших в русском национальном языке на разных стадиях его эволюции. Г.Я. Симина отмечает, что «современный говор, насколько бы он ни был архаичен и как бы самобытно ни складывался, представляет собой живую развивающуюся языковую систему, где наряду с элементами древними, унаследованными от прошлых эпох, прослеживается отражение новых процессов, происходит дальнейшее усовершенствование системы в полном соответствии с языковыми законами общерусского языка и данного диалекта» [4, с.82].

На наш взгляд, особенно показательна в плане яркого воздействия социокультурных процессов судьба суффиксальных моделей, оформляющих абстрактную лексику в языке

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ РУССКОГО ДИАЛЕКТНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

русских говоров. Наличие их в диалектах представляется несколько неожиданным, так как модели на *-ние, -ение, -ость, -ство, -ствие* издревле признаются прерогативой книжно-письменной речи, в русский литературный язык проникли в результате влияния церковнославянской книжности. Бесспорно, появление их в говорах в XX в. можно объяснить экстралингвистическими факторами: развитие общественно-политической жизни, перестройка системы культурных отношений способствует расширению круга употребления абстрактной лексики в диалектном языке, она начинает входить в активный словарный запас. По мере развития мышления развивается и язык, возникает потребность в выражении абстрактных понятий. Как следствие, становятся продуктивными в диалектной словообразовательной системе модели с суффиксами абстрактности.

Результаты анализа материалов СРНГ позволяют определить, в первую очередь, возможные источники появления названных субстантивов в говорах, расклассифицировать определенным образом их происхождение в зависимости от семантики и характера производящих основ на прямые заимствования из литературного языка, служащие названиями новых жизненных реалий, и исконно диалектные образования, созданные по общеязыковым моделям на базе диалектных основ. Сфера их употребления расширяется, продолжая реагировать на изменения общественной жизни, постоянно. Следовательно, однобоко бы выглядело представление о том, что источником абстрактной лексики в диалектах является только литературный язык и что она служит только наслоением, не свойственным говорам. В большинстве случаев абстрактная лексика исконно диалектна, органична для системы говоров, развивается на подлинно диалектном материале постепенно и последовательно по четким словообразовательным моделям, ср.: *-нье: бегованье* – «состязанье лошадей в беге» (Свердл., 1964); *бяканье* – «падение, побой» (Тул., 1933); *блыканье* – «брожение без дела» (Латв., 1963); *галичанье* – «зубоскальство, передразнивание, кривлянье с целью осмеять кого-либо, разозлить, а других этим потешить» (Олон., 1912); *бездурость* – «блажь, дурь» (Пск., 1955); *выразность* – «ясность, отчетливость, выразительность» (Пск., Смол., 1904-08); *гиблость* – «гибельность» (Пск., Смол., Ленингр., 1934); *-ство: гальство* – «издевательство, глумление, насмешка» (Свердл., 1964); *выхованство* – «воспитание» (Смол., 1914); *глупячество* – «глупое, неразумное поведение» (Онеж., 1931).

Интересен и другой факт: сами говоры, освоив книжные модели, начинают от исконно книжных (церковнославянских) основ производить при помощи книжных же суффиксов новые слова, не зафиксированные в словарях старославянского и древнерусского языка, ср.: *белильство* – «белизна, белый цвет» (Арх., 1907) от слав. бѣлила – «белая краска» (Срезн., 1-218); *бытность* – «время, период существования; обстоятельство» (Челяб., Ворон., Влад., Калуж. 1910-1964) от бытныи – «существующий» (Срезн., 1-211); *бескормность* – «бескормица» (Перм., 1923) от бескърмныи (Срезн., 1-74); *блзнение* – «действие по гл. блзнеть – чудиться, искушать, представляться» (Урал., 1930) от блзнити – «искушать, обманывать» (Срезн., 1-103) и др.

Немногочисленны случаи образований от двусловных сложений, они, очевидно, порождены подражанием книжной традиции, потому и воспринимаются как «искаженные» книжные слова (фоноварианты), ср.: *басловленье* (Пск., Арх., Твер., Перм., Том.); *басловленье* (Брян., Орл., 1904); *басловенье* (Ворон., Тул., Кемер.) – «благословенье». Но практически отсутствуют образования от глагольных основ на *-ыва, -ива, -ова, -ева*, в то время как в литературном языке модели эти представлены широко. Тем самым, можно говорить об открытости процесса и продолжающемся формировании субстантивов на *-ние, -ение, -нье* в диалектах.

Несомненно, помимо действия внутриязыкового закона аналогии и влияния литературной деривационной системы, важную роль в распространении имен на *-ость, -ство, -ние, -тель* в диалектах играет территориальный фактор. Самобытное развитие подобных образований подтверждается их значительным количеством с самым широким территориальным охватом (северорусские, среднерусские, сибирские, южнорусские, западнорусские и т.д.), разнообразием производящих основ (от церковнославянских до собственно диалектных),

свободой их словообразовательных связей. Суффикс же *-ствие*, в противовес названным формантам, специфичен в данном отношении. В истории языка имена на *-ствие* имели не только жанровое, но и территориальное ограничение – они употребительны в чешском, болгарском и русском языках, причем свойственны только великорусскому наречию и не распространились на западе или юге Руси. Дialectы подтверждают и развивают данную тенденцию: зафиксированные в СРНГ субстантивы на *-ствие* принадлежат северно-русским или среднерусским говорам (Новгородской, Вологодско-Вятской, Владимиро-Поволжской группам и др.) и относятся по времени своего появления к началу XX в., когда в результате социальных изменений подражание книжной речи, влияние «учености» на носителей диалектов было значительным. Следует учитывать и тот факт, что хронологические рамки данных заимствований – вторая половина XIX – начало XX вв. – совпадают со временем активной деятельности русской церкви на селе. Это можно считать одной из основных причин появления имен на *-ствие* в говорах. Другой причиной является стремление сельских жителей «щегольнуть образованностью» (Г.Г. Мельниченко). Увеличение имен на *-ствие* в диалектах отмечается к нашему времени, что обусловлено распространением на селе средств массовой информации, более тесным языковым контактированием литературной и диалектной речи в связи с урбанизацией, ростом престижа высшего образования, повышением общекультурного уровня и т.п.

Имена на *-ость, -ство* в говорах уступают в количественном отношении дериватам на *-ние*, ибо их конкретное значение более близко специфике диалектного языка, нежели абстрактное, характерное образованиям на *-ость, -ство, -ствие*. Лингвогеографические данные показывают, что особенно активно распространились имена на *-ость, -ство* в западнорусских говорах. Мы полагаем, что этому способствовало влияние не только русского литературного, но и польского языка: зачастую дериваты, возникшие в западной группе говоров, не фиксируются в русском литературном языке, но имеют соответствия в современном польском, что свидетельствует об их заимствованном характере, ср.: рус. диал. *поваженье* – ‘уважение, почет’ (Пск., Смол., 1919-1934) – польск. *poważanie* – ‘уважение, почет’; *особливость* – ‘особенность, отличительное свойство’ (Смол., 1914) – *osobliwość* – ‘особенность, своеобразие, необычайность’; *забойство* – ‘драка, убийство’ (Зап. Брян.) – *zabójstwo* – ‘убийство’; *малженство/малжонство* – ‘супружество, брак’ (Зап., Сл. Акад. 1931) – *malżeństwo* – ‘супружество, брак’; *блаженство* – ‘шутовство, балагурство, повесничание’ (Зап., Смол. 1853) – *blazeństwo* – ‘шутовство’. Если в польском языке имена на *-ość* не имеют стилистической маркированности, то в русском литературном изначально суффикс *-ость* был свойствен только книжным стилям, и проникновение его в диалектное словопроизводство связано, вероятно, с нарушением стилистической замкнутости отвлеченных имен, ср.: *дикость* – ‘глупость, дурачество, безумие’ (Арх, 1858); *недоглядность* – ‘недостаточный присмотр’ (Яросл., 1907), *незобливость* – ‘беззаботность’ (Твер., Пск., 1858). Вероятно, продуктивность этого словообразовательного типа в говорах связана со спецификой самого удвоенного суффикса *-ость*, усиливающего абстрактную семантику слова.

Многочисленные случаи параллелизма в польском языке и русских говорах вполне объяснимы как с точки зрения экстралингвистической, так и внутриязыковой, ибо основной фонд способов словообразования, формантов и выражаемых ими словообразовательных значений в славянских языках един.

Таким образом, своеобразие диалектной лексики с суффиксами абстрактности заключается в большей свободе и широте словообразовательных связей (ср. отсутствующие в литературном языке единицы: *добрость, доверность, длинность, детность, домашность, договорность* и т.п.). Их отсутствие в литературном языке может быть связано с тем, что по литературно-языковым нормам данные основы сочетаются с другими суффиксами абстрактности, либо аналогичные образования возможны только от других (непроизводных) основ, либо в другой фонетической оболочке (ср. диалектное *домачность, богатество*).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ РУССКОГО ДИАЛЕКТНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Помимо собственно словообразовательных связей, следует отметить и семантическую специфику абстрактной лексики в говорах. Если какие-то элементы или цельные лексемы и заимствуются из книжного языка, то, как правило, не противоречащие словообразовательным нормам диалекта и претерпевшие семантизацию, употребленные в другом, чаще более конкретном, значении, ср.: *бедность* – «1. несчастье, беда; 2. обида, огорчение, досада» (Арх., Перм., 1923); *божество* – «иконы, образа» (Перм., Волог., Костром.); *вредительство* – «повреждение; рана» (Пск., Смол., 1904-1918); *глупость* – «незначительное, небольшое количество чего-либо» (Латв., 1963), *новость* – «что-то недавно появившееся, новинка»; *неполезность* – «ненужный предмет» (Дон., 1975); *дурость* – «гной». Конкретизация способствует появлению плюральных форм, значения собирательности: *вязанье* – «вязаные рукавицы и чулки» (Арх., 1961); *варенье* – «вареная еда» (Арх.) и т.д.

Отмеченные деривационные и функционально-семантические особенности субстантивов с суффиксами абстрактности позволяют говорить об их самобытном развитии в диалектах. На определенном этапе эволюции системы говора (как мы указывали, 1-я половина XX в.) вполне закономерным представляется появление в нем отвлеченных существительных. С развитием мышления, обогащением представлений и понятий обогащается и язык, вследствие чего увеличивается число обсуждаемых субстантивов, расширяется и сфера их употребления. По отношению к литературному языку исследователи неоднократно отмечали, что чем более развит язык, тем больше в нем появляется образований на *-ние, -ение*. Полагаем, что этот тезис вполне применим и к системе русских говоров. В любом случае можно утверждать, что в современном диалектном языке идет процесс словообразовательного поиска.

Таким образом, вероятным представляется ряд причин распространения книжных словообразовательных моделей в говорах. Оно могло происходить под влиянием древних и старинных книг, известных носителям разных, особенно северно-великорусских говоров. Сказалось и влияние церковнославянской культуры на развитие всей русской культуры вообще вплоть до XVIII в., выражавшееся, в частности, в употреблении в разговорной (и диалектной) речи оборотов славянского языка, что считалось признаком грамотности, учености. Несомненна и связь с религиозной обрядностью. Богослужения в деревнях способствовали не только запоминанию канонических сакральных текстов, но и служили причиной употребления в обиходной речи большого количества религиозных терминов (ср.: *божество* – «иконы, образа»; *воскресенье* – «праздник»). Последнему благоприятствовало и распространение в деревнях ремесел, обслуживающих церковный быт, благодаря которым названия церковных реалий становились для крестьян профессиональными.

Выводы. Подводя итоги проведенного исследования, мы не можем не согласиться с положением В.В. Колесова о том, что «любой говор русского языка как самостоятельная языковая система изменяется в принципе так же, как любая система – под давлением лингвистически общих и социологически более престижных тенденций», отражая общерусские тенденции изменения системы, в нашем случае – на уровне словообразования.

Список литературы

1. Колесов В.В. Русская диалектология. – М.: Высшая школа. 1998. – 207 с.
2. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб., 1999. – 361 с.
3. Николаев Г.А. Формы именного словообразования в языке XII в. // Древнерусский язык домонгольской поры. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – С. 155-162.
4. Сими́на Г.Я. Развитие абстрактной лексики в современных севернорусских говорах // Лексика. Грамматика. Материалы и исследования по русскому языку. Ученые записки №192. – Пермь: Изд-во Пермск. гос. ун-та, 1969. – С.82-106.
5. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-38. – М.-Л.: Наука, 1965-2004.

Поступила в редакцию 10.03.2005 г.